

ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ КОНАШКОВ

Отец умер, когда мальчику было полтора года. До семи лет он воспитывался у деда.

— Просили дедушку отдать меня учиться грамоте, — рассказывает Ф. А. Конашков, — а дедушка на это ответил: «Не отдам я в ученье своего внука — за уши рвать. Мой внук и неграмотным будет на поляну навоз возить». Так и остался неграмотным. За это дедушку нечем хорошим поминать.

Рано началась трудовая жизнь Федора Андреевича. Двенадцати лет он уже возит лес для лесопильного завода Русанова, летом работает у купцов.

В роду Конашковых искусство сказывания былин переходило из поколения в поколение и ведет свое начало, по словам сказителя, со времени Ивана Грозного. Федор Андреевич перенял былины от своего дяди — Василия Степановича Конашкова, — который знал много былин и любил их петь.

Первый собиратель посетил Федора Андреевича в 1893 году, однако лишь после Октябрьской революции мастерство сказителя стало широко известным. Его часто приглашали в Москву, Ленинград, Петрозаводск, где он знакомился с достопримечательностями

этих городов и пел свои былины. Талантливый народный певец стал известен в нашей стране и за ее пределами.

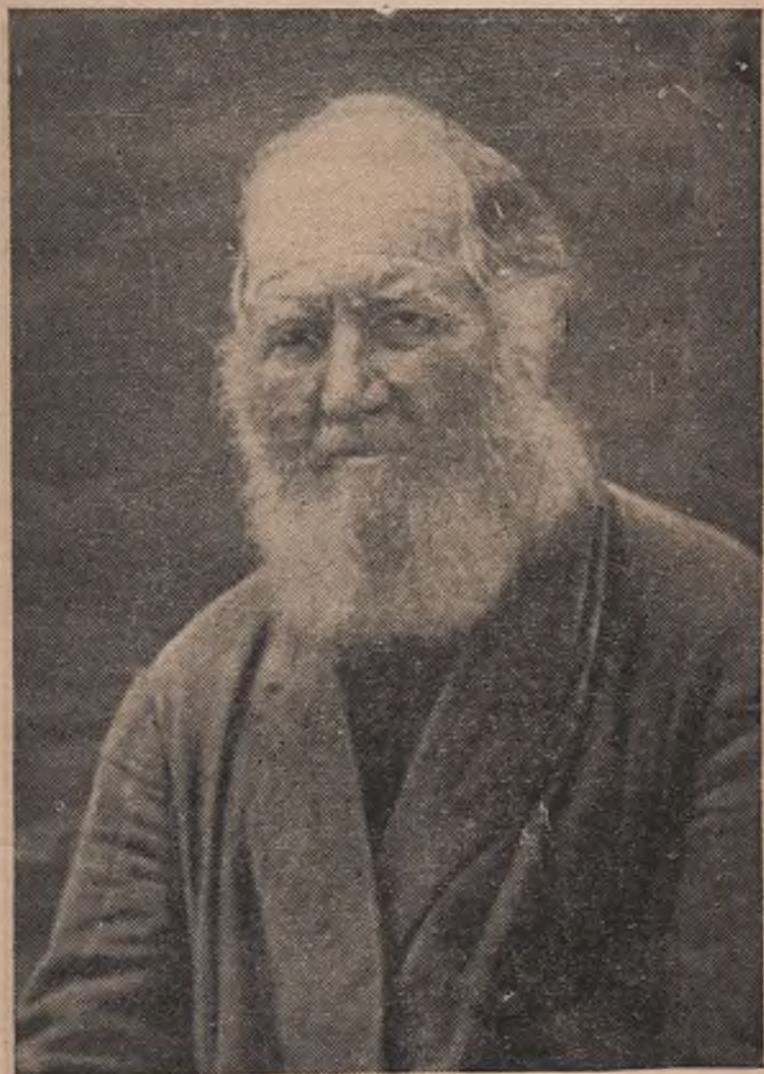
Былины Федора Андреевича Конашкова представляют замечательное явление в истории народного эпоса. Народ, сложивший былины о богатырях, пел гимн своей силе и мощи, а такие мастера, как Конашков, владея художественным словом, совершенствовались эти былины и делали их широко известными. Красивы и разнообразны былины Федора Андреевича, в них поется о славных русских богатырях, храбро защищавших свою родину.

В репертуаре сказителя имеются также былины на шутивно-бытовые темы и сказки.

Сказок от Федора Андреевича записано немного, но они интересны тем, что в них проявилась любовь к шутке, свойственная для Конашкова, и они в значительной мере представляют его собственное творчество.

Федору Андреевичу Конашкову сейчас 78 лет, и тем знаменательнее факт, что он на склоне лет обрел в себе силы и запел по-новому. Замечательный исполнитель былин, он стал сам сочинять, стал петь о лучших людях современного человечества — Ленине, Сталине, Кирове, Ворошилове.

Федор Андреевич Конашков является большим мастером художественного слова.

САМОЕ ДОРОГОЕ

В нашей Карелии, у самого Онежского озера, был колхоз. Самолучшие колхозники в нем были: Федор-старик, Марья-колхозница да Алексей. Федор по рыбному делу ходил, Марья смотрительницей детей была, а Алексей был конюхом.

Вот сошлись все колхозники в правлении и начали говорить, что есть на белом свете самое лучшее и дорогое. Люди они были не бывалые и заговорили по-своему, по-деревенскому. Бабы говорят:

— Наши коровы самолучшие: они нам молоко дают, всех нас питают. Мы молочка надоим, сливочки сольём, маслица собьем, в печь поставим, оттворожим, лепешок напечем, сметанкой зальем.

Ловцы говорят:

— Неверны слова ваши! Рыба дороже всего! Она нас кормит и поит. Мы мережи поставим, рыбы наловим, что лосося, что малька, что сига, что ряпушку, уху наварим, рыбничков напечем, стопочкой запьем.

Ратаи-то *) говорят:

— Неверны ваши речи! Мы рожь да жито посеем,

*) Ратай — пахарь.

а как выпеет — хлебушек соберем, в скирды накладем. скирды выволочим да дома вымолотим, солоду насолодим да пива наварим. Без хлебца никому не прожить! Рыбничков без муки не спечь, да и пива не сварить.

Надумали тут колхознички разрешить спор: послать Федора, да Марьюшку, да Алексея по всей земле русской ходить и узнавать, что есть на белом свете самое лучшее и дорогое.

Сошлись Федор, Марьюшка да Алексей и не знают, куда им путь держать. Тут Марья и говорит, что бабушка ей перед смертью наказывала: «Коли ты чего знать не будешь, либо пути-дороги не знаешь, возьми-ка ты мой клубочек, за кончик ниточки держись, да на дорожку и брось. Куда клубочек покатится, туда тебе и путь лежит».

Сказала это Марьюшка Федору да Алексею, взяли они за печкой клубочек, всё, как бабушка велела, сделали и пошли за клубочком.

Идут они и дивуются. Где прежде реки бродом брели, ни проходу ни провозу не было, там построили мосты через речки на полверсты: сваи позабывали, доски настлали, да балясы на них сделали. Где при старой власти болота непролазные, ни проходу, ни проезду не было, — проложены дороженьки хорошие, мощеные. По этим дорожкам ходят машины разные, а у самого Онежского озера самолет стоит. Хошь — пешком иди, хошь — на машину садись поезжай, хошь — на самолет садись лети. Где были леса дремучие, непроходимые, там проложены дороженьки широкие, вся земелька углажена и фонари расставлены. Днем идешь — светло, и ночью идешь — светло.

Безо всякой трудности идут Федор, Марья да Алексей за клубочком, и подкатился клубочек к самой каменной Москве. По матушке каменной Москве машин много бегаёт! Много в Москве светлоты, будто и ночи нет!

Федор говорит:

— Машины мне понравились. У старого тупы ноги ходить, дак хоть под старость на машине проехагь.

Марья-то говорит:

— Не зря клубочек-то прикатился сюда. Москва — мудреная. В Москве-то и узнаем, что есть самое лучшее и самое дорогое.

Алексей говорит:

— Походим-ка мы по Москве и посмотрим: может, самое дорогое не у нас в колхозе есть, а в самой Москве.

На том и согласились. Идут по улицам, дивуются, как улицы изукрашены, любятоя. Подкатился клубочек к дому, а на доме надписно:

«Кому ехать — вниз пожалуйста».

Вкатился в дом клубочек и остановился. Взяла Марья клубочек в карман, и вошли они в метро подземельное.

В метро все-то день ясный, и ночи-то нет. Проехались они на метро, встали на лестницу — сами не идут, лестница за них идет. Вот лестница вынесла их на землю, поблагодарили они лестницу.

Марья вынула клубочек, конец нитки взяла в руки, клубочек на землю бросила. Покатился клубочек и прикатился к большому саду. Во саду музыка играет, цветы цветут хорошие, птицы поют дивные. Говорят-то они в Москве, а слышны слова на Онежском озере, — все по радио слышно. Нынь в один час вся Расеюшка слушает!

Во саду гуляют молодые и старые: тут и пляшут, тут и на качелях качаются, и на деревьях фонари разноцветные горят. Федор и говорит:

— Вот, наверно, это и есть самое лучшее и самое дорогое, потому что все здесь веселые и довольные.

Только он это сказал, клубочек у Марьи из карманз выпрыгнул, успела только Марья конец нитки схватить, и покатился клубочек дале. Идут Федор, Алексей да Марья за клубочком, и клубочек остановился перед большим красным домом. Около самого дома народу много-много!

Взяла Марья клубочек в карман, вошли они в дом.

Смотрят: белая лестница цветами зарощена. Пошли они по лестнице, видят: в доме золотыми буквами написано и показано про жизнь хорошего человека, который ко всем нашим чудесам вел. И шли они до самой последней комнаты. Видят: в комнате флагов многое-множество, наклонены флаги среди комнаты, и от них красный-красный свет, а середь комнаты — памятник.

Марья тут и сказала:

— Привел клубок нас к большому человеку!

Не успела она слова молвить, выскочил клубочек из кармана, успела она только нитку схватить, и покатился клубочек все дале и дале. Идут они за клубочком и подходят к каменной стене. Прокатился клубочек в ворота и подкатился к белому дому.

Взяла Марья клубочек в карман. Тут отворяют двери, и встречает их сам товарищ Сталин. Провел их Сталин к себе в комнату и стал их обо всем расспрашивать, а они — обо всем рассказывать.

И стали они у Сталина мудрые вопросы спрашивать, и первый вопрос о том, как им жить лучше и богаче. Сказал им обо всем Сталин.

Тут Марья и говорит:

— Что же есть самое дорогое и самое хорошее? Это жизнь наша. Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить, а потому самое мудрое и самое дорогое — это слова товарища Сталина, которые он нам сказал.

Распростились они с товарищем Сталиным, проводил он их до самой стены, и вышли они в Москву.

Хотела было Марья взять клубочек, сунула руку в карман, а клубочка-то и нет. Стали они его искать. Искали, искали и к Сталину воротились, и у него искали, не обронили ли где, и по дороге смотрели, — так и не нашли. Ну, уж тут дорога была известная, сели они на машину и поехали.

Приехали они в колхоз. Их колхозники спрашивают:

— Ну, что есть самое дорогое и самое лучшее у нас на земле?

И тут они все сразу ответили:

— Самое лучшее и самое дорогое у нас на земле есть слово товарища Сталина.

И рассказали они тут всё, как, что с ними было и где они были.

И все колхозники на том согласились.

ПРО ИЛЮЮ МУРОМЦА И ЦАРЯ КАЛИНА

Как у князя-то у Владимира,
А ведь жил-то Ильюшенька да ровно десять лет.
Как стали к князю-то Владимиру,
А стали ведь людюшки подхаживать,
Стали князю Владимиру да наговаривать:
«Как Илья Муромец да сын Иванович,
Как с сильными могучими богатырями
Хочет взять себе да княжество».
Тут Владимир князь да послушал ведь,
Приказал посадить да Ильюшеньку.
Повели Ильюю во погреба глубокие,
Как Ильюшенька не отбивается,
Посадили Ильюю в погреба глубокие.
Как у князя-то да у Владимира
Была красна девушка-племянница,
Отроду ей было лет четырнадцать,
Как она велела выкопать дорожку подземельную,
Как во те ли погреба да во глубокие,
Где посажен-то был Ильюшенька.
Как на всякий-то она да долгий денечек,
Как Ильюшеньке носила яства да сахарные,
Напиточки-то разные медвяные. *)

*) Медовые.

Как прошла про Илью слава да широкая,
Как прошло ведь того времени да три года,
Как узнал-то да и Калин царь,
Что ведь Ильюшеньки живого нет,
Как направился Калин царь с войском со великиим,
Как нагнал он ко городу силы да ко Киеву,
Тут же писал письмо скорописчато:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский!
Отворяй-ко ворота да широкие,
Уж ты улицы да распахивай,
Дубовы скамьи да вынашивай,
Питва разные выкладывай,
Как встречай-ко нас, да дорогих гостей».
Посылал Калин царь татарина с писёмышком,
Приходил татарин к князю ко Владимиру,
Как кидал татарин на стол писемышко,
Сам садился татарин да на лавочку,
Как Владимир князь читал письмо да
порасплакался:

«Как у меня нет во городе во Киеве,
У меня нету сильных могучих богатырей,
И нету у меня да как Ильюшеньки».
Говорила его да ведь племянница:
«Как мой-то ведь да родной дядюшка,
Как на роду Илье смерть-то ведь не писана».
«Ой ты, ведь чадо мое милое,
Как до сих-то пор Ильюшиных костей-то нет».
«А как сходим-ко да мы во погреба глубокие,
Как посмотрим-то на тое местечеко».
Как разрывали они погреба глубокие,
Отворяли двери-то дубовые,
За столом сидит Ильюшенька живешенек.
Тут Владимир князь у Ильюши порасплакался:
«Как прости меня, Ильюшенька, в такой беде».
Показал письмо Ильюше царя Калина,
Говорил Ильюшенька князю-то Владимиру:
«Как на место что же ты отписывал?»

«Как ничего не писал я во обидушке». —
Как начал Илья писать да царю Калину:
«Ай же ты, да Калин царь!
Дай-ко нам ты сроку три года,
Наварим мы ведь зелена вина,
Как накурим мы да пива пьяного,
Угостим тогда мы всю силу да всю армию,
Как не дашь нам сроку три года, —
Дай хоть сроку нам да на три месяца,
Как не дашь нам сроку на три месяца, —
Дай хоть сроку ты нам на три дня.
Сам сажился Илья да на добра коня,
Как поехал Илья на горы на высокие,
Как глядел Илья на рать-силу на великую, —
Как сколько у царя-то ведь у Калина
Силы набрано, силушки-то нагнано:
Серу волку силы не обрыскати,
Черну ворону силы не ограяти.
Как глядел-то Ильюшенька на север ведь,
Как стоит шатер бело-полотняный,
У шатра стоят кони богатырские,
Там ведь спят сильные могучие да богатыри.
Как натягивал да Ильюшенька
Как тетивку-то да он шелковую
Во тугом луку да потугёшенько.
Направлял Илья стрелочку каленую прямешенько,
На полете Илья стрелочке наказывал:
«Ты пади, стрела, не на небо, не на землю,
Ты пади, стрела, да во белой шатер,
Да пади Самсону-то да крестному,
Ты пади ему да во белую грудь,
Что он спит да не прохватится,
Как не знает он беды над крестником, не ведает».
Как пала стрела каленая,
Пала во белой шатер,
Самсону крестному попала в медный крест.
Как вставал-вскочил да Самсон крестный ведь:

«Как вы, сильные могучие богатыри, вставайте-ка!»
Как двенадцать-то их было богатырей,
Как тут садились скоренько на добрых коней,
Поднимались на горы на высокие,
Где стоит-то сила царя Калина.
Как кругом-то силу да окружили,
Начали силу бить у царя Калина,
Не оставили татарам силы да на семена.
Говорит-то тут ведь Калин царь:
«Закажу я детям да внучатам ведь,
А не то, что на Расеюшку-то ездити,
А чтобы думой более да не думати».
Тут поехали сильные могучие богатыри,
Как ко князю-то в город, ко Владимиру,
Принимал Владимир князь да со всей радости,
Добрых молодцев он жаловал.
А на том былина и покончилась.

